

ЗАПОВЕДНИК. Так называется место нашей работы. Для нас же это нечто большее -- это наше Божелесье (именно это определение В. Даля наиболее емко характеризует наше отношение к заповеднику). Это наш храм, которому мы служим самоотверженно и преданно. Сегодня мы приглашаем всех в этот удивительный мир.

Ольга и Евгений СТРЕЛЬНИКОВЫ,
научные сотрудники заповедника.

ЗАПОВЕДЫВАТЬ — повелевать, предписывать, приказывать, наказывать к неперемennomu исполнению; завещать какую обязанность, обязывать к чему заклятьем; запрещать.

ЗАПОВЕДАТЬ ЛЕС — запретить в нем рубку; это делается торжественно: священник с образами или даже с хоругвями обходит его при народе и старшинах, поют «Слава в вышних» и запрещают въезд на известное число лет.

ЗАПОВЕДНИК — заповедный лес, пуца, моленый лес, божелесье.

(В. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»).

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГЛУБИНУ ВЕКОВ

ПРЕДСТАВЬТЕ у себе ледниковый период. Необразимые просторы льда и снега, нет ни Сургу́та, ни Угу́та, только снежное безмолвие. Южная граница льдов проходила как раз через территорию современного заповедника. Болот еще не было, такие животные, как мамонты, шерстистые носороги, северные олени, лоси, сайгаки совершали сезонные миграции, чтобы за короткие летние месяцы покармиться пышной растительностью и избавиться себя от назойливого гнуса у самой кромки льдов. Вслед за отступающим ледником животные продвигались все дальше на север. Сообщества того времени напоминали современные африканские саванны с грозными носорогами, со стадами слонов и антилоп.

Шли годы, века, тысячелетия, случались различные катаклизмы. Многое осталось под спудом времени. Одни животные исчезали, другие появлялись. Отступили льды, сформировались болота. От прежних «саванн» не осталось и следа. Исчезли шерстистые носороги и мамонты, а сайгаки и дикие лошади оказались оттесненными далеко на юг. Часть видов сохранилась. Это реликты. Реликтам — с латинского — остаток. Ледниковыми реликтами являются: олений мох (ягель), карликовая береза, живородящая ящерица и обыкновенная гадюка.

КАК считают ученые, человек проник в Сибирь в эпоху оледенения, около 25000 лет назад. Тогда человек уже обитал на Ангаре, Енисее, в бассейне Оби. Обилие животных позволяло человеку покрыть свое тело одеждой из шкур, построить жилище из костей убитых мамонтов, рогов северных оленей. Жилища эти были полуподземными. Основой служили специально выкопанные ямы глубиной около метра. Столбами, окружавшими котлован, «огромные бивни мамонтов. Вместе с бивнями вкапывались бедренные кости. Кроме того, использовались мощные черепа носорогов. Крыши жилищ состояли из своеобразного эластичного, но прочного каркаса, перекрытого рогами северных оленей.

Люди еще не занимались земледелием, и жизнь их полностью зависела от охоты и рыбной

ловли. Взрослые мужчины-охотники целыми днями рыскали по лесам в поисках добычи, иногда устраивали ловушки. Женщины и

дети занимались сбором кореньев, ягод, разоряли гнезда. Постепенно окрестности становились бедными. Наступали голодные времена, и уже никакие заклинания Матери матерей не заманивали зверя. Тогда племя снималось с обжитого места и переселялось в новое, которое часто нужно было завоевывать. Сталкиваясь с последствиями собственного, как теперь говорят ученые, «плейстоценового перепромысла», люди вводили табу, законы самоограничения, правила раздела добычи.

Совершенствование оружия расширяло охотничьи возможности человека, а с переходом к земледелию и скотоводству охота стала уже не главным занятием. В эти времена и возникли различные охраняемые территории. Древние персидские цари огораживали охотничьи угодья и называли их «крайскими садами». Более тысячи лет назад викинги устраивали птичьи заказники на острове Святого Кильда, на Фарерских островах и в Исландии с очень строгими правилами о сроках охоты и величине добычи. В большинстве мест они до сих пор процветают. Подобный режим охраны существовал в России на Айновых островах, принадлежащих Трифону-Печенгскому монастырю, входящих ныне в состав Кондалакшского заповедника. Нечто подобное имело место и у ханты — святого места «ем-тахе», у манси — «эмьнг-тагат». Здесь разрешалось охотиться только людям, имеющим на то особое право, чаще всего шаманам.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ЯСАКИ

С СЕРЕДИНЫ XVI века началось планомерное наступление русских на Сибирь. Цари стали облагать коренных жителей натуральным налогом — ясаком. Ясачные книги могут поведать о многом: о видовом составе промысловых животных, о их распространении и численности. Цифры эти,

конечно же, не абсолютные, но весьма показательны. Например, куница была широко распространена, но в ясачные сборы она попадала редко, так как бродила вместо соболей «по самой нужде». Возьмите бобра — он был и рыжий, и карий, и черный. Что осталось теперь? Несколько колоний в окрестностях заповедника Малая Сосьва. А черно-бурая лисица — та, что на гербе Сургу́та? Цена отдельных ее шкур доходила до 18 рублей, тогда как соболя — 27-29 копеек. Цена черных бобров составляла 1 рубль 64 копейки, рыжего — 1 рубль 5 копеек, а карего — 1 рубль 37

копеек.

Таежные угодья были богаты рыбой, птицей и зверем, ясак привозили сдавать в дорогих собольих шубах, на лыжах, подбитых соболями. Кроме коренных сибиряков, здесь охотились и жители северного Предуралья. Сургутские ханты в конце XVI века жаловались, что коми «по их вотчинам и угодьям местам и по лесам и по речкам зверуют, бьют соболя и бобры и лисицы и зверь выбили».

В течение всего XVII века соболь стал распространяться неравномерно. Если в 1631-32 году в Томском уезде было сдано 1840, а в 1649-50 — 4390 соболей, то в Сургутском уезде ясачные люди не могли полностью сдать ясак в 1629-30 году, потому что «угодье места, где они прежде сего на соболиные промыслы ходили — те места все выгорели и соболей и всякого зверя в тех местах не было и им ныне государев ясак — соболей и всякого зверя добыть негде». Сибирская пушнина дорого ценилась за границей. Поэтому Петр I объявил шкурки бобров, соболей, черно-бурых лисиц и горностаев «заповедными товарами» и приказал брать их в ясак, а «что сверх того явитца, покупать в казну, а в народ не продавать».

В XVIII веке тайга Сибири беднела соболями, которые в основном страдали от пожаров. Бобр был легкой добычей. Черно-бурая лисица хоть и ценилась выше всех, но добывать ее было трудно, так как охотники еще не пользовались железными капканами, а ружей было мало. Промысел наиболее дорогих зверей сильно подорвал их запасы.

В конце 70-х годов XIX века соболь встречался главным образом в верховьях рек, впадающих в Иртыш, в Березовском уезде он стал редок. В пушном промысле все большее место стала занимать белка, цена ее в те времена составляла 10-12 копеек. Лоси и

северные олени были обычны. О бобрах во многих местах северной Приобской тайги не упоминалось, они остались лишь в бассейне реки Конды и кое-где в Сургутском уезде. В середине нашего века они исчезли и из-под Сургу́та.

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ

ОДНО из первых описаний природных объектов и рек Сибири дал в своих дорожных дневниках Спафарий Николай Гаврилович (Милеску Николае Спэтарул), написанных во время путешествия с дипломатической миссией в Пекин в 1675-78 гг.

Составление первой карты «всей Сибирской земли» было поручено боярским приговором в 1696 году Семену Ульяновичу Ремезову (архитектор Табо́льского каменного кремля). Так как до этого приговора им уже была проделана определенная работа, то в 1697 году сей чертеж был выполнен. Кроме того, перу Ремезова принадлежит «Тобольская летопись», названная позже «Историей Сибирской».

С XVIII века в Сибирь устремились путешественники-этнографы, натуралисты. Собственно, все они, кроме специализированных работ, старались собирать всякий до-

ступный материал. Поэтому часто в отчетах по этнографии можно найти сведения по зоологии и т.п.

Академик Петр Симон Паллас положил начало отечественной систематике животных. Он описал все известные виды млекопитающих России — всего 151, большинство из них — новые. Сам Паллас не посещал Среднее Приобье, но отряд, работавший под его началом и возглавляемый Василием Федоровичем Зуевым, поднимался далеко на север. (1768-74гг.).

В 1842-45 годах совершил путешествие по Северной, Восточной Сибири и Дальнему Востоку Александр Федорович Миддендорф. Его отчет был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири; особенно важными были выводы о распространении вечной мерзлоты в зональном размещении растительности Сибири.

Примерно в то же время (1839-49), по заданию Петербургской Академии Наук, бассейн Оби и Енисея посетил финский языковед и этнограф Матиас Александр Кастрен. О Большом Югане он писал, что «крека берет начало в Барабинской степи из озера, которое остяки называют Медвежьим». По его словам, «остяки испытывают суеверный ужас пред этим озером, так как они думают, что там живет ужасный Маммут и делает опасным плавание по озеру, и не только летом, но и зимой, так как часто образуются полыньи, и лед по необъяснимым причинам неожиданно вспучивается». Конечно, многие выводы основывались на опросных данных, поэтому часто возникают ошибки, как, например, то, что Большой Юган берет начало в Барабинской степи.

Про Маммута существовали легенды у всех народов Севера. На многих финских наречиях «ма» — земля, «мут» — крот. Следовательно, мамут — «земляной крот». Легенды о мамутах примерно одинако-

вы. Многие путешественники Сибири записали рассказы о гигантском подземном жителе. Животное-норкопатель ходит под землей взад и вперед. Звери не выносят солнечного света, и как только они выйдут на поверхность, тут же умирают. Мертвых кротов-великанов чаще находят в речных обрывах, по склонам. В этих местах животные нечаянно выскакивают из земли и погибают. Рога похожи на бивни слонов, а иногда их называли зубами. Как можно догадаться, все эти легенды порождены находками костей мамонтов.

После Кастрена Большой Юган посетил летом 1891 года ассистент археолого-исторического государственного музея Стокгольма Р.Ф. Мартин. О Большом Югане того времени в его отчете говорится: «Река по обеим сторонам окружена необычайно богатой, большей частью молодой, растительностью, которая состоит из кедра, сосны, пихты, березы, черемухи, рябины и ивняка. От прежних кедровых лесов остались только отдельные островки. Они погибли от лесных пожаров, которые выжгли в 50-х годах этого (XIX) столетия почти весь массив между Иртышом и Обью. С тех пор сократилась и охота. Один остряк утверждал, что единственное место, где еще можно найти хорошие леса, — это окрестности в верховьях Демьянки». О кровожадности местных комаров Мартин пишет: «...в результате нашей ночной экскурсии на кладбище возле Угутских юрт насчитал свыше 30 укусов на поверхности в 6 кв. см».

В конце XIX века, с открытием Томского университета, изучение края стало систематическим благодаря энергичной деятельности Н.Ф. Кашенко — одного из передовых естественных ученых своего времени. С.М. Чугунов летом 1913 года собрал данные о млекопитающих и птицах Сургутского уезда. Геоботаник Б.Г. Городков исследовал растительность и животный мир в бассейнах рек Конды, Салыма, Ваха, Полуя и др.

Кроме участников академических экспедиций, посильные исследования проводили люди, по должности и сану далекие от науки. Одним из таких был Иоанн Тверитин, священник Богоявленской церкви села Юганского. Читаешь его отчеты Казанскому экономическому обществу — и поражаешься языку, образованности и скрупулезности, с какой он выполнял работы. Из его отчетов можно понять и состояние местной природы. В кратких сведениях об огородничестве, скотоводстве и сельских промыслах в Березовском крае он пишет: «...лет 20 назад (двадцатые годы XIX века) или даже меньше у них (остяков) выгорели леса, где были вековые деревья черного леса, заставлявшие останавливаться ежегодно пробегных разного рода хороших зверей, как то: соболя, лисицу, белку и пр. Ныне же тут вырос почти непроходимый березняк, который нисколько не привлекателен для упомянутого зверя. Вследствие того здешние остяки встречают большие затруднения и неудобства в добыче этих зверей. В случае же неулова поступают в работы и на выработываемые деньги покупают у более счастливых зверей для взноса кабинетных ясаков. А сколько они переносят голода, отдаваясь далеко от своих улусов! Хорошо еще, если бывает довольно полевого оленя (северного «дикоря») и лоса...»

(Продолжение следует).